

детектив - событие

Евгения Михайлова

РАЗБИТОЕ НЕБО

Детектив-событие

Евгения Михайлова

Разбитое небо

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Михайлова Е.

Разбитое небо / Е. Михайлова — «Эксмо», 2023 — (Детектив-событие)

ISBN 978-5-04-189191-6

Лара сама растила любимого младшего братишку Артура и впала в глубокую депрессию, когда мальчик погиб. Год спустя, с огромным трудом выбравшись из трясины своего горя, Лара решила, что расследование дела, которое так и осталось нераскрытым, необходимо довести до конца... В этом ей помогают равнодушные люди – старые и новые друзья, а также частный детектив Сергей Кольцов. Давняя история постепенно обрастает подробностями, сплетается с новыми трагедиями и драмами, рвет сердце... Но даже такой мучительный путь к правде предпочтительнее вязкого безразличия, в котором едва не утонула Лара... Высокий профессионализм и блестящий литературный талант Евгении Михайловой очаруют любого читателя. Ее романы уникальны, они переворачивают душу и заставляют чаще биться сердце. Она мастер социального детектива, в ее остросюжетных романах находят отражение самые актуальные проблемы современного российского общества.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-189191-6

© Михайлова Е., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Часть первая	6
Вера	8
Семь лет Артура	9
Часть вторая	13
Андрей	16
Честь имею	19
Часть третья	22
Нина	24
По коням!	27
Часть четвертая	30
«дитя ночи»	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Евгения Михайлова

Разбитое небо

© Михайлова Е., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Если вы идёте сквозь ад – идите не останавливаясь.
Уинстон Черчилль

Персонажи и события романа вымышленные. Все совпадения с реальными фактами случайны.

Часть первая

Под тяжестью тьмы

Лара открыла глаза, но увидела только фрагменты яркого, беспорядочного, неестественно четкого и почему-то тревожного сна. Почувствовала только жжение под воспаленными веками и тяжесть мокрых ресниц. И тут же началось это... Мука последнего года: паника, безысходность и страх перед движением, глубоким вздохом, перед отчаянным стуком сердца, не желающего просыпаться.

Но нужно собрать все свои силы, подняться и добраться до открытого пространства, до утра без света, звуков и встреч. Почему нужно? Потому что невозможно унять ноющее, терзающее понимание: она должна сделать эту работу. Только она может разобраться в том, что произошло, и принять какое-то решение. И самое тяжелое, невыносимое: Лара в миллионный раз обязана заставить себя вспоминать в подробностях то, что произошло. Обязана рвать душу, умирать от жалости и ненавидеть.

Она давно умывается, одевается и причесывается не глядя в зеркало. Стоит пару минут под душем, не регулируя температуру воды. Холодная, горячая – какая разница. От полной и значительной жизни осталась только тягостная последовательность процедур. Время от времени приходится заказывать еду. Та прошлогодняя Лара, с обостренным обонянием и вкусом, ела только то, что очень любила. У нее почти всегда был хороший аппетит. Сейчас это процесс принудительного кормления стремящегося к угасанию организма. Деградация – отсутствие нормальных потребностей, невозможность жить и умереть. Ты больше не живой человек, ты заложник миссии, к которой себя приговорила. Дотянуть, дотерпеть до прорыва, до треска разбитой клетки, до прыжка. Хоть в пропасть. Но он должен состояться.

В это утро Лара вдруг поняла, что больше не существует в плотном тумане, который глушит звуки и прячет детали. Ей бросались в глаза все пыльные углы, груды тряпья, которое не так давно было вполне хорошей одеждой. В ванной она с тоскливым недоумением открывала свои зеркальные шкафчики, забитые баночками с кремом, упаковками с масками, которые она обожала и закупала впрок. Ароматные соли, пена для ванны... Это удивительно: Лара совсем не помнила, почему все это ей казалось таким необходимым, временами даже главным. Она забыла само чувство расслабления, отдыха, защищенного уединения, возвращения к себе из трудного, напряженного дня, в котором все имело свой очень важный смысл. Он был жестоко растоптан в один день. В тот самый день.

В холле она влезла в куртку, которая в одиночестве висела на вешалке, сунула босые ноги в теплые ботинки, шагнула за порог. В лифте отвернулась от зеркала и почти с ужасом ощутила собственный запах. Нет, не запущенности. Какой-то ужасной заброшенности. Запах отмирающей женственности. Как же страшно, наверное, она выглядит, – в первый раз за время добровольного заточения подумала Лара.

Она вышла в грязный, промозглый февраль и споткнулась о волну тяжелого, непрозрачного воздуха. А прохожий, который торопливо шагал мимо, на мгновение замедлил шаг, внимательно посмотрев на девушку с длинными русыми волосами поверх откинутаго капюшона. Что-то очень необычное он увидел в ее нежном лице, в страдальчески сжатых губах, в широко распахнутых серых глазах, полных то ли боли, то ли страха, то ли решимости. Такая и под колеса бросится... Но всем не поможешь... Прохожий побежал к автобусу.

Лара вернулась домой, сбросила в холле одежду прямо на пол. Как давно она один или два раза в день натягивает на себя эти жуткие непромокаемые штаны и толстый свитер прямо на голое тело? Даже не вспомнить. Нужно захватить их, когда будет выносить мусор. Другие

брюки и свитера лежат в этом отделении шкафа, помнится, в большом количестве. А тут висят другие куртки, пальто и плащи... И зачем?

Она долго оттирала ванну, наполнила ее очень горячей водой, плюхнула туда полпачки ароматизированной соли, добавила пену с экстрактом кокоса, легла и очень долго растапливала оцепенение, казалось, навеки уставшего тела. Что-то получалось: руки и ноги сами зашевелились, чуть напряглись, как будто получили возможность выбраться из искусственного омертвления, из паралича.

Следующим преодолением был поиск в холодильнике всего, из чего можно сварить нормальный борщ. Когда-то, когда Лара была точно живой, она терпеть не могла готовую еду. Потом для формального поддержания жизни только готовая еда и подходила. Сейчас Лара безжалостно выбросила в мусорный бак ненавистные упаковки с якобы едой. И даже немного увлеклась готовкой.

Потом, постояв в нерешительности минут десять у порога своего кабинета, открыла дверь и шагнула туда. Дошла до письменного стола. Включила ноутбук, открыла папку «Документы». Тут самые главные файлы, снимки, видеозаписи.

Год назад Лара ушла в никуда и на неопределенный срок из студии документальных фильмов, где работала помощником режиссера Константина Николаева. «Я буду тебя ждать, – сказал он на прощанье. – Вернешься, когда сможешь. Главное помни: я жду».

И она просидела немало часов, которые слились в одну горячую, рвущую душу секунду. Она вынесла это. Вошла в спальню, постелила себе чистое белье и рухнула без сил, как будто прошла долгий-предолгий путь. Босиком по раскаленным углям и острым осколкам битого стекла.

Когда дыхание немного успокоилось, взяла с тумбочки телефон, включила его и посмотрела журнал входящих вызовов. Она проверяла их раз в несколько дней, потом опять отключала телефон. Все как обычно. Звонили подружки Таня и Катя, режиссер Константин... Звонил Андрей, но это нужно быстро пропустить. И мать. Вера. Горло Лары перехватил спазм, холодный и жестокий, как петля. Это была ее недремлющая спутница на протяжении года – ненависть.

Вера

Матери Лары было семнадцать лет, когда она родила. Беременность она скрывала, обнаружили ее слишком поздно, чтобы думать о вариантах. Когда одноклассники Веры, нарядные, с цветами, шли на выпускной вечер, ее тело разрывалось на части, а чужие голоса приказывали ей: «Тужься». Аттестат о среднем образовании получила за нее мама, бабушка Лары. У нее были большие планы на дочь, она надрывалась на многих работах, чтобы Вера ни в чем не нуждалась, росла здоровой и благополучной, получила отличное образование, добилась настоящих успехов в карьере. Бабушка Валентина была преподавателем русского, английского и французского языков. У нее были часы в школах, она переводила книги, бегала по частным урокам. К моменту рождения внучки у Валентины накопилась приличная сумма. Она уже выбрала для дочери прекрасный вуз... Но пришлось все потратить на небольшую, но вполне уютную двухкомнатную квартиру неподалеку. Вере следовало начинать собственную жизнь, заботиться о дочери и, главное, как-то устраивать собственную судьбу. Она так никому и не сказала, кто отец ребенка. Если он сам не проявился, значит, сделал все, что мог, и больше никому не нужен. Вера, конечно, встретит кого-то, она хороша собой, Валентина вложила в нее столько, что она и без вуза вполне образованный человек. Со временем они решат, чем она займется. Пока им надо ставить на ножки ребенка, продуманно приближать и строить нормальную семейную жизнь.

Девочку называли Лара, по паспорту Лариса. Имя выбрала Валентина в честь своей любимой героини Пастернака. Внучке с ее мамой-подростком понадобятся стойкость к невзгодам, решительность и способность преодолевать любые последствия своих поступков. С отчеством решили совсем просто: Валентиновна. Вере было все равно. Она еще не почувствовала родство с этим непонятным существом, которое вдруг узурпировало ее жизнь.

Лара прожила с матерью восемь лет. И это было неплохое время. Она называла Веру мамой, а веселились они, как подружки. Больше всего их развлекало то, что люди считали их сестрами: они были очень похожи.

А потом как-то вдруг стремительно в их квартире стали появляться гости. Всегда мужчины. Одного Валентина обнаружила утром в ванной, когда принесла своим девочкам приготовленную еду на день. Другого застала за завтраком в кухне. Третий прожил в квартире Веры дня четыре, после чего они поругались, и он ушел, хлопнув дверью. Вечером бабушка привела Лару после музыкальной школы. Входная дверь была распахнута, а Вера пьяно храпела на диване. Под одним глазом сине-багровый кровоподтек. Рядом на полу стояли бутылки и лежали упаковки со снотворным. Бабушка и внучка только посмотрели друг на друга и молча собрали вещи Лары. С того вечера у Валентины была одна главная цель – спасти и защищать девочку от всего света, но в первую очередь от матери.

О том, что Лара теперь будет жить у Валентины, Вера узнала на следующее утро. И это было для нее большим облегчением. Лара приняла перемену спокойно: она рано научилась принимать логичные решения. К матери никаких претензий: ее жизнь, ее квартира, ее гости... А жизнь Валентины принадлежит ей, Ларе, это было очевидно. И Лара стала называть бабушку мамой, а мать Верой. Таким был приговор ее суда: оправдала мать, но... Исключила из круга главного родства. И вскоре поймет, как вовремя она это сделала. Сейчас Вера – мать, но не в высоком и великом смысле. Это просто кличка для человека, который стал причиной огромного несчастья. Человека, который не стоит своего имени. Какая там вера...

Семь лет Артура

Восемь лет назад Лара уже закончила режиссерский факультет ВГИКа. Они с Валентиной часами обсуждали возможность для нее работать на студии документальных фильмов в Париже. Это было предложение одного французского автора, которого многие годы переводила Валентина. Конечно, Ларе очень хотелось поехать в Париж. Но...

– Если бы знать, мама, что ты быстро приедешь ко мне, – говорила она Валентине. – Я боюсь, что ты пообещаешь, а потом поймешь, что не можешь оставить без присмотра Веру. И мы обе будем мучиться и чего-то плохого ждать. А вдруг ты заболеешь? У тебя же был сердечный приступ на прошлой неделе. Мне из Парижа на такси не доехать за полчаса.

Валентина приводила свои аргументы за то, чтобы ехать. Но решилось все в один момент. Поздним январским вечером позвонила Вера. Она сообщила, что родила сына. Ему уже три дня. Назвала Артуром, как Овода.

– Ну, вот и оно, – произнесла Лара. – У нее опять ребенок. И они оба наверняка никому не нужны, кроме нас. Как хорошо, что я не успела согласиться.

– Я бы, конечно, справилась и без тебя, – ответила Валентина. – Как все бабушки. Если бы она была другой. А так... Может произойти что угодно. Спасибо, моя дорогая, что останешься со мной. Ты мне награда за все, единственная опора. Такая любимая опора.

Новорожденные младенцы всегда казались Ларе страшненькими. Но когда она взглянула на своего сводного брата, у нее перехватило дыхание, а кожа покрылась мурашками, таким он ей показался прекрасным. Ему в тот день исполнилось два месяца, и Лара решила поехать к матери с Валентиной.

Артур лежал в ярко-голубой коляске и смотрел на нее еще более яркими голубыми глазами. Крупные золотые локоны мягко окутали круглую головку. Он увидел цветную погремушку в руках Лары и улыбнулся своим прелестным розовым ротиком, а на щеках появились ямочки.

– Я в шоке, ма, – сказала Лара в машине, которую они с Валентиной купили, раз Париж отменяется. – Ты когда-то видела таких красивых детей?

– Не знаю насчет точно таких... – задумчиво проговорила Валентина. – Но красивых видела. Тебя, например. Но Артур на самом деле удивительно хорош собой. Я не совсем понимаю, почему это тебя так поразило.

– Что значит почему, мама? Принц, что ли, на мою мамашу польстился? Ты заметила, как она выглядит? Она же на всех чертей сейчас похожа. И я вообще-то видела в мусорном ведре бутылку.

– Да ты что, – выдохнула Валентина. – Еще этого не хватало. Надеюсь, все не так ужасно. Одной очень трудно справиться с малышом. Мне нужно просто больше ей помогать.

– Нам нужно, – поправила Лара.

– А вдруг все же принц, а вдруг он появится, – с надеждой произнесла Валентина.

– Я тебя умоляю, ма. У нашей Веры появляются только козлы и алкаши. Извини за горькую правду, – изрекла Лара.

Она решила не искать сразу постоянную работу. Устраивалась на картины помощником разных режиссеров. Выбирала и, главное, имела возможность делать паузы между фильмами. Она очень часто бывала у Веры, научилась ей помогать и ухаживать за ребенком лучше родной матери, что было не так сложно. И они с Верой на какое-то время опять стали подружками. Вера даже целовала дочь при встрече и прощании. Нередко Лара оставалась ночевать. До того вечера, когда в дверь позвонили и Вера впустила в квартиру мужчину. Лара быстро собралась и приехала домой задумчивой и подавленной.

– Что-то случилось? – спросила Валентина.

– Да нет, просто к ней пришел какой-то тип.

– Ну, почему так мрачно? Может, это и есть отец Артура.

– Не может. У него не голубые глаза. У него вообще не глаза, а дырки от дробовика. И вместо золотых локонов – серая пакля.

– Да ладно тебе, – рассмеялась Валентина. – Ты просто очень привязалась к ребенку. Ты любого примешь в штыки. А я как раз подумала: вдруг Вера согласится, чтобы Артур пожил у нас. Пока у нее личная жизнь, так сказать.

Вере идея сначала понравилась. Но потом они посоветовались с юристами и дружно от нее отказались. Неработающую мать-одиночку постоянно проверяют опека и социальные службы. Ее могут лишить и детского пособия, а потом, возможно, и родительских прав, если образ жизни признают несоответствующим. А так и будет. Валентина и Лара уже не смогут вернуть Артура Вере, они станут за него бороться. И они не имеют права вот так, пока без причины, отобрать ребенка у матери.

О господи! Они могли попытаться и отобрать своего родного ребенка у этой чудовищной матери. Это была самая страшная для Лары мысль после всего. Они могли, но не спасли...

Воспоминания о семи годах жизни Артура были яркими мгновениями счастья и отчаяния. Ни один миг не забылся. Ларе не удалось закрыть дверь памяти в ту камеру пыток. И вот пришли день и ночь, когда крепость ее деградации пошатнулась, дрогнула. То был удар жестокого требования проснувшегося сознания. То был приказ – вернуться, все узнать, сделать самую беспощадную работу. И... отомстить. Покарать преступника хотя бы ценой собственной жизни и тем самым вернуть ей смысл.

Как бы то ни было, семь лет жизни Артура были для Лары самым полным, насыщенным и, конечно, самым счастливым временем. Он рос таким восприимчивым, обучаемым. Таким добрым и ласковым ребенком. Даже его мать рядом с ним вроде потеплела. Его развитие и просвещение Валентина с Ларой взяли под свой строгий контроль. Они и отвели его в первый класс. И постоянно были настороженны, преодолевали тяжелые периоды, которые все учащались. Конечно, у Веры появлялись и менялись сожители. Конечно, она с ними выпивала, они бурно ругались и даже дрались.

У Лары появилось сумасшедшее занятие – каждый день осматривать Артура в поисках следов грубого обращения. Она любую царапину разглядывала чуть ли не с лупой. Шли годы, и Лара почти успокоилась на этот счет. Тут-то Вера и сообщила, что вышла замуж. Ее избранник Георгий заметно отличался от предшественников. Работал водителем службы доставки интернет-магазина. То есть не был алкоголиком по определению. Показался вполне симпатичным внешне. Коренастый, круглолицый, улыбчивый шатен с карими глазами.

Именно после переезда Гоши в квартиру Веры Лара и стала находить синяки и ссадины на руках, ногах, теле Артура. Сам мальчик вместо ответов на вопросы отводил глаза или что-то бормотал: упал, ударился. Но это было семейное насилие, без сомнений. Но никто ведь не примет синяк или ссадины всерьез, если поднять шум. Так можно было только потерять доступ к братику. Лара это прекрасно понимала, не сразу рассказала Валентине. Потом жалела, что вообще рассказала: сердечные приступы у ее настоящей мамы стали регулярными, чуть ли не ежедневными.

Лара уже работала на студии Константина Николаева. И она придумала замечательный повод забирать Артура с собой на съемки чуть ли не каждый день. Они с Константином снимали кадры для заставок в маленьком живописном парке рядом со студией. Артур там просто играл с мячом, бегал среди деревьев, а они его снимали при разном освещении. Издалека и крупно – его удивительно выразительное лицо, которое постоянно менялось. Вере Лара сказала, что студия мальчику платит, и давала ей время от времени какие-то деньги. Мать была довольна. Константин, который сначала отнесся к идее скептически, потом был в восторге от

результата. Эти кадры украшали любой сюжет, Артур стал чем-то вроде символа их работ, мелодией гармонии.

За Георгием Лара следила, как агент разведки. Уходила из дома Веры поздно, покормив и уложив спать Артура. Если что-то происходит, она должна быть свидетелем. Хотя, конечно, не исключено, что с мальчиком плохо обращается не Георгий, а Вера. Она дико ревновала своего мужа, срывалась, орала, пила.

Однажды Лара обнаружила на лице Артура большой кровоподтек – под глазом до виска. Она не стала пытаться ребенка. Но сфотографировала след явного удара, как обычно. Дождалась, когда вернется домой Георгий, застала его в кухне одного и в упор спросила:

– Что с лицом моего брата? Это твоих рук дело?

– Опаньки! – осканился он в своей улыбке, на этот раз злобешней. – Не знал, что у нас тут прокурор завелся. А не пошла бы ты... Какого черта ты тут торчишь каждый день? Я, честно говоря, подумал, что из-за меня. Напрашиваешься типа. А потом понял, почему у такой красивой бабы никого нет. У тебя характер, как у гадюки. Ищешь, кого бы ужалить. Давно заметил, что ты все тут вынюхиваешь.

– Ах ты... – выдохнула Лара, но закончила спокойно. – Принимаю все сказанное как чистосердечное признание. Я предупредила.

– Я тоже, – хищно осканился он.

В ту ночь Лара горько плакала, открыв воду в ванной. У нее уже два года был Андрей... Он развелся ради нее с женой. Купил для них квартиру. Они виделись пару часов в неделю. Он умолял ее выйти за него. Но она не могла заниматься своей жизнью и любовью. Не могла оставить Артура наедине с грозящей ему бедой ни на день. И делить такую мучительную проблему с Андреем тоже не могла. Он хочет нормальной семейной жизни, возможно, ребенка от нее. Тогда, чуть больше года назад, Ларе было двадцать девять лет. Тридцатый год прошел мимо. Время больше не имело никакого значения.

В тот вечер, год назад, Лара приехала в дом матери довольно поздно. На звонок ей никто не открыл. Лара вошла со своим ключом. На диване в гостиной храпела Вера. Лара прошла в комнату Артура, включила свет и оцепенела. Мальчика не было в постели. Лара металась по квартире, открывая все двери, звала... Кроме Веры, в квартире не было никого. Она схватила мать за плечи и трясла ее до тех пор, пока у той не стал более осмысленный взгляд. Но когда Вера заговорила, ничего внятного не произнесла. Когда до нее дошло, что в квартире нет Артура, промямлила:

– Так, может, гуляет...

– Какие гуляния!!! – кричала Лара. – Сейчас ночь! И нет нигде его телефона, я набираю, но он выключен. Вспоминай, идиотка, а то я из тебя кишки вытрясу...

С кишками, может, и получилось бы. Но вытрясти из этого организма хоть какую-то информацию было нереально. Лара бросилась на улицу, бегала по округе, звала. Потом вернулась в квартиру. Вера уже сидела на кухне и пила из кружки явно не кофе. Лара собралась до упора ждать Георгия, вдруг он куда-то повез ребенка. Его телефон тоже был выключен. Почему-то этот момент показался Ларе обнадеживающим. Этот коварный придурок мог таким образом наказывать именно ее. Он знает, как она пугается за Артура по любому поводу.

Лара просидела бы там до утра. Но позвонила Валентина, спросила, скоро ли она приедет.

– Нет, ты не торопись. Ничего страшного. Просто мне немного нехорошо.

И Лара помчалась домой. Было уже начало первого. Из машины позвонила в полицию без всякой надежды на результат. И, конечно, услышала дежурное: «Женщина, никто не будет искать ребенка, если его несколько часов нет дома. У нас масса вызовов по реальным преступлениям и несчастным случаям. Звоните знакомым, его друзьям. Может, засиделся у кого-то или заснул».

Лара набрала номер Константина. Он сразу ответил.

– Костя, извини, что так поздно, мне просто больше некого просить о помощи. Случилось вот что: Артур пропал. Полиция мне не верит, искать отказались. И я вспомнила: ты же делал фильмы по заказу МВД и прокуратуры. Наверное, сохранились контакты. Умоляю тебя: попроси кого-нибудь мне помочь. Только позвони прямо сейчас.

– Хорошо, – сказал Константин. – Я как раз еще в монтажной. Тут и лежат их карточки. Я попробую. Жди звонка от меня или с незнакомого номера.

Через десять минут ей позвонил человек, который представился следователем районной прокуратуры Ивановым и недовольно произнес:

– Лариса Валентиновна, обоснуйте, пожалуйста, свою уверенность в том, что с вашим сводным братом случилось несчастье. Пока я не понимаю причины такой тревоги. У нас свои сроки в подобных случаях. Я не могу поднимать людей из-за чьих-то нервов.

– Я обосную. И даже могу сейчас прислать снимки со следами побоев у ребенка. У него плохой отчим. Это очень жестокий человек с садистскими наклонностями. Да и мать наша – тоже очень проблемная мамашка. Она выпивает.

– Но почему вы исключаете самый простой вариант: мальчик элементарно сбежал от таких проблемных родителей и находится сейчас, к примеру, дома у друга?

– По двум причинам. У нас с Артуром самая серьезная договоренность – не выходить одному по вечерам из квартиры. Если бы он что-то решил, то обязательно позвонил бы мне. И он никогда не отключает телефон. И второе: у него нет таких друзей, к которым он пошел бы на ночь глядя. Впрочем, я не знаю, когда именно мальчик покинул квартиру. Телефон его отчима тоже отключен.

– Хорошо, – после паузы произнес Иванов. – Пришлите снимки. И адрес места жительства брата, ФИО и место работы его отчима. Я сообщу, когда что-то получится узнать. Но надеюсь, утром мальчик вернется сам. Дети теряют телефоны.

Лара влетела в квартиру, придумала для Валентины какие-то причины, по которым задержалась. Сказала, что с Артуром все в порядке, она уложила его спать. Сделала все нужные уколы Валентине, полежала рядом, пока та не уснула. Наверное, сама задремала, потому что звонок телефона взорвал ее мозг. Лара схватила трубку, плотно прикрыла дверь спальни и ответила только в кухне. На часах было четыре утра.

– Это Иванов, – услышала она. – Мне очень жаль. Но требуется опознание. Заявитель вы. Мать не в том состоянии. Куда за вами приехать?

Самая страшная казнь – это увидеть мертвого Артура. На какое-то время Лара исчезла. Живыми оставались только глаза. Патологоанатом назвал причиной смерти асфиксию. Ребенка задушили его шарфом. На теле есть травмы. Тело обнаружили в дальнем сквере их района. Оперативники остались на местности, чтобы найти телефон Артура. В наше время это главный свидетель.

Лара поднялась к двери квартиры на окаменевших ногах. Стояла, не решаясь открыть. Но дверь открыла Валентина. Она была смертельно-бледной и какое-то время молча смотрела на Лару.

– Скажи, – прошептала она.

– Я не могу, – выдохнула Лара.

– Постарайся. Ты должна.

Через два часа врач «Скорой» констатировал смерть Валентины от обширного инфаркта. Второй близкий человек покинул Лару в ту страшную ночь.

Часть вторая

Обратная связь

Лара проснулась. Она спала этой ночью от силы два часа. Ее встретило то же утро – без света, живых звуков, конкретных планов и надежд. Но она, мельком взглянув на часы, рванулась в это утро. Как будто страшно опаздывала начать главное дело. Постояла под горячим и холодным душем, первый раз за год сварила себе крепкий кофе и вернулась к столу с ноутбуком. Открыла папку под названием «Артур». Его снимки, видео, картинки, которые он нарисовал. Дневник Валентины: она записывала главные события в жизни внука, его милые и забавные высказывания. Все это были огромные тайны маленького человека. Он ей оставил их в наследство. Это все надо срочно разгадать.

Через несколько часов работы Ларе удалось заплакать – слезами, а не запекшейся кровью, которая не проливалась, а лишь превращала все вокруг в багровый туман. Вот теперь она готова искать обратную связь. Если кому-то это нужно еще. Если услышат призыв о помощи до того, как ей придется о ней просить.

Лара взяла телефон и ответила на последний из пропущенных вызовов. Это Таня, подруга еще по ВГИКу. Сейчас она благополучная домохозяйка и жена неплохого адвоката.

– Божечки, – произнес милый грудной голос. – А я уже перестала ждать. Как ты там, моя дорогая?

– Да я... – Лара запнулась, она не знала, как коротко объяснить свое добровольное заключение с полной изоляцией от мира.

– Только не начинай объяснять и оправдываться, – прервала ее Таня. – Я все прекрасно понимаю. Просто спросила, как ты сейчас себя чувствуешь. Мы все понимаем. Ты думаешь, мы просто сидели и тупо ждали, пока ты объявишься сама?

– Не ждали?

– Конечно, нет. Не такие мы безмозглые курицы с Катериной. В дверь к тебе, конечно, не ломились, но практически каждый день ездили по очереди к дому, смотрели: включаешь ли свет. Иногда ненавязчиво заводили разговор с соседями. Знаем, что раза два в день выходишь на минуты. И что выглядишь... Извини, но не пойми как. Потому и не хотели тебя спецом поджидать. Невмешательство, так сказать, в личную жизнь. Почему ты молчишь?

– Я слушаю. Как же приятно слышать твой голос. Ты как?

– Да у нас все по-прежнему. Давай сразу о тебе, пока ты опять не заперлась в своей норе. Чем тебе помочь? Что я могу сделать для тебя?

– Я как-то не собиралась... Нет, я собиралась просить о помощи. Может, твой Слава знает, с чего начать... Мне нужен доступ к делу об убийстве Артура. Без контакта с официальным следствием. Дело закрыли? Оставили висеть? Ты что-то слышала о моей матери и ее муже?

– Сначала отвечу на последний вопрос. Я пару раз собиралась позвонить Вере, но не смогла, не в состоянии с ней говорить. А Катя звонила. Но я даже не могла выслушать ее после этого. Страшное отторжение. Я могу теперь у нее спросить...

– Спасибо, не нужно. Я сама.

– Вот и отлично. Ты, похоже, больше не намерена от всех прятаться. Что касается нужной тебе информации, подожди пару минут. Я спрошу у Славы. Он как раз собирается в контору... Лара, ты тут? Я схватила мужа на пороге прямо за фалды. Он тоже очень рад, что ты сама позвонила. Сказал на ходу, что тебе нужен частный детектив. Он на работе подумает, пообщается, порекомендует кого-то. Только с условием – мы в доле. Сыскари – недешевая рабочая сила.

– Таня, у меня есть деньги. Мама оставила завещание на меня: квартира, наш общий счет. Я за год потратила буквально гроши на пропитание.

– Я понимаю, но наше условие в силе. Даже не пытайся сопротивляться.

– Я не пытаюсь... И даже не благодарю, нет у меня таких слов. Даже голова закружилась... Тяжело, знаешь, выползть из могилы...

– Да что ж такое, – всхлипнула Таня. – Вернись же ты к людям, к работе, к своей красоте... Между нами, твоя соседка по площадке сказала, что у тебя даже щеки впали. А был такой прекрасный овал... Ладно, до созвона по поводу информации. Я тут немного пореву.

После своего первого за год, такого полного и важного, разговора Лара вся дрожала. Руки и ноги стали ледяными, а голова горела. Еще и это... Она так запустила себя физически, что сил может просто ни на что не хватить. Одна надежда, что подруги поддержат, потащат из деградации, как утопленницу из тины, вернут хотя бы к какой-то устойчивости.

Лара минут двадцать ходила по периметру квартиры, пытаясь восстановить контроль за кровообращением. Только не дать себе лечь, не закрывать глаза. И не поддаваться искушению вновь отключить телефон.

Она набрала номер Кати. А та уже ревела вовсю.

– Ларка, прости, не могу остановиться. Мне Таня рассказала... Этот ужас про могилу, из которой ты вылезает... Не могу. Давай я к тебе приеду, хоть потрясу тебя как следует, чтобы эта дурь из тебя вылетела. И привезу в кастрюле котлеты, я их недавно пожарила. И фрукты с мороженым. Да черт же тебя дерит: скажи, чего ты хочешь?

– Хочу сказать: привет, милая Катюха. Я знаю, что вы с Таней пасли меня целый год и терпели мое хамское молчание.

– Да ладно, что за бред. Мы просто хотели быть рядом, как получалось. А давай я с бутылкой красного приеду? За встречу, можно сказать.

– Это непременно, но давай немного подождем. Я только на разведку вышла, чтобы на ощупь и по звукам голосов найти своих. Голова горит, ноги подгибаются.

– Что мне сделать?

– Скажи, что знаешь о матери и отчине, пожалуйста.

– Отчима твоего тогда взяли по подозрению. Он ни в чем не признался. А потом вроде там какая-то улика с ним не совпала, а главное, ему организовала алиби баба с его работы. Вроде он с ней провел вечер и ночь. Из-за этой бабы они с Верой разбежались. Он ушел от нее. Вера сказала, что он с ней развелся. Она... Ну, ты знаешь: к ней ходят всякие. Пьет. Зла на тебя до ужаса, говорит, что ты ее оклеветала, на ее невинного Гошу донесла. Ты, получается, во всем у нее виновата. Да еще она без денег осталась. Говорит, Валентина лишила ее доли в завещании. Я предложила ей поработать в нашей больнице санитаркой, ей же делать теперь совсем нечего. Но как же. Как будто королеву оскорбила предложением полы мыть и горшки выносить. Знаешь, я бы ее уговорила на стерилизацию. Не дай бог, опять забеременеет, еще одну жертву родит. Пыталась ей рассказывать, как и чем предохраняться... Сейчас это любому нормальному подростку известно. Но это же без толку. Тут надо что-то одно выбирать – предохраняться или пить. Ничего, что я это все на тебя вывалила?

– Нормально. Большое тебе спасибо. Катя, я как-то об этом не думала. Разве Вера еще может родить?

– О чем ты! Ей всего сорок семь лет. Сейчас и в шестьдесят пять рожают. У нее нет климакса еще. Я спрашивала.

– Понятно. Честное слово, я и не думала о том, сколько ей лет. Я перестала в ней видеть что-то человеческое. Теперь картина полная. Как ты?

– По-всякому. Работаю как проклятая. Людей и лекарств в больнице не хватает. А дома оболтус растет. Такой классный оболтус. Колька за этот год вымахал, ты, наверное, не сразу узнаешь. Я уже на цыпочки встаю, чтобы в нос поцеловать. И, знаешь, скажу не потому, что я

клуша-мать. Такой становится красавец. И человек хороший. Любит меня, мамашку бестолковую и бедную. Ему уже пятнадцать. Он не знает, что я ему коплю на машину. На подержанную, конечно, но симпатичную. Кстати, не так уж мало накопила. Научилась постепенно истреблять собственные потребности. Я к тому, что я тоже в доле. На этого, на частного детектива.

– Господи, я все терплю, терплю, но ты меня до слез все же довела. Люблю тебя и классного оболтуса. Обязательно посмотрю на него. А деньги у меня есть, но твое предложение драгоценно. Я позвоню. И ты звони. Телефон больше не отключаю.

Лара отложила телефон и взяла с тумбочки большую фотографию Валентины в серебряной рамке.

– Они со мной, мама. Они с нами. И это от тебя привет.

Катя работала медсестрой в районной больнице, в которой Валентина пару раз лежала. Лара и договорилась с Катей, что та будет приходить к ним домой делать уколы. А получила не эпизодическую помощницу, а преданную, заботливую и на редкость искреннюю, эмоциональную подругу.

Информации и чувств было столько, что Ларе понадобится много времени на осмысление и выводы. Больше ей сегодня ничего не вынести. Она достала из холодильника бутылку с водой и долго пила, утоляя забытую жажду живого человека.

И тут позвонил телефон. На дисплее имя – Андрей...

Андрей

Лара познакомилась с Андреем Фроловым, когда они приехали снимать фильм о коллективе авиационной компании в Жуковском. Андрей работал там инженером-конструктором. Было это три года, восемь месяцев и пятнадцать дней назад.

Он ей сразу понравился. Интеллигентный, образованный, вдумчивый, сосредоточенный на своем деле. Очень хорошо говорит. За стеклами очков красивые карие глаза. Ему было чуть за сорок. И такое пленительное сочетание – отстраненный, даже заиклившийся на своей теме «ботаник» и «очкарик», а внешне очень привлекательный, сильный, уверенный в себе мужчина.

Фильм сняли за неделю. Андрей приехал на просмотр до окончательного монтажа. Делал важные и логичные замечания. Попросил прислать ему на почту ссылку на заверченный вариант. Лара отправила еще через неделю. Получила короткий ответ: «Спасибо. Все в порядке».

Лара даже самой себе не могла объяснить, почему ее довольно долго терзало чувство разочарования и даже обиды. Он ее совсем не заметил: просто приложение к оборудованию в монтажной. Так ведь для нее нормальные отношения – табу. За всю взрослую жизнь она позволила себе пару романов, буквально на ходу. Расставалась быстро, без малейшего сожаления. Яростно сопротивлялась любым попыткам бывших партнеров объяснить, что-то вернуть. Забывала все через несколько дней. Такое не бывает без последствий для самооценки. Ей ведь и сейчас ничего не нужно. Но мог бы улыбнуться разок, посмотреть с каплей внимания. Просто снять на секунду свои очки...

И прошло с того просмотра в монтажной довольно много времени. Однажды вечером Лара вылетела из студии, на ходу звонила Валентине, сообщая, что едет к Артуру. Увидела у своей машины высокую мужскую фигуру. Еще не узнала, но сердце нерешительно и с надеждой на радость дрогнуло. Да, это был он.

Андрей шагнул ей навстречу.

– Добрый вечер, Лариса. Извините, что без предупреждения...

– Что-то не так с картиной?

– С чем? – недоуменно спросил он. – А. С нашей картиной. Я и забыл. Да нет, все нормально. Просто мимо проезжал. Как говорят идиоты. Захотелось увидеть.

В тот вечер Лара в первый и последний раз соврала Валентине и Артуру. Впрочем, Валентине на следующее утро во всем призналась.

Они какое-то время просто кружили по Москве без цели. А потом приехали в маленький подмосковный мотель. Вошли в номер. Андрей снял свои очки. Посмотрел таким беспомощным и молящим взглядом, после которого любые слова бессмысленны.

Пролетели две недели, в течение которых они встречались при любой возможности. Лара стала просыпаться с нестерпимой потребностью – увидеть Андрея сегодня, хоть на минуту. Позвонить, позвать, побежать навстречу. Но надо было ехать на работу, надо было мчаться к Артуру. Прижимая к себе хрупкое тельце мальчика, она смотрела в любимые голубые глаза и читала в них такую преданность, такую уверенность, что она и есть главная защитница нежного цветка, рожденного на высохшем, жестоком, ядовитом поле. Ну какая может быть конкуренция у столь панической взаимной привязанности? Не в виде же взрослого, сильного, уверенного в своих решениях мужчины. Андрей предлагал разные варианты выхода из их тупика. Они все были бы логичными, разумными в любом случае, кроме их. И такое странное дело... Когда Лара с тяжелым сердцем отрывала себя от Андрея, он казался ей похожим на Артура. Одиноким и беспомощным. Так она поняла, что любит.

Потом он иногда приезжал за ней вечерами по адресу Веры. Чаще всего просто отвозил домой. Ларе с огромным трудом удавалось вырваться с ним на несколько часов или полночи

в тот мотель. Она знала, что Валентина не ляжет спать без нее. Будет страдать и придумывать разные несчастья. Так Лара и жила с постоянно дрожащим сердцем. Оно непрестанно заходило то от любви, то от ненависти и всегда от страха.

С какого-то момента Андрей перестал обсуждать с ней варианты выхода. Он поступил иначе. Однажды спокойно, будничным тоном сообщил, что развелся с женой. По обоюдному согласию, без суда. Оставил ей квартиру, машину, большую часть общих сбережений.

– Но почему? – потрясенно спросила Ла-ра. – Она узнала о нас? У вас возникли проблемы?

– В результате узнала, – ответил Андрей. – От меня, когда я предложил развестись.

– Ты хочешь сказать, что я стала причиной?

– Разумеется. Мы с Ниной оказались в клетке взаимной несвободы. Надо совсем не уважать ни себя, ни близкого человека, чтобы продолжать мучиться от лжи и отсутствия любви. Я считаю, что в каждом человеке заложен постоянный потенциал любви. И его невозможно поделить между двумя объектами. Я имею в виду взрослых людей, конечно. И, кстати, насчет потенциала. Я только сейчас понял, что полюбил впервые. С Ниной было совсем другое. Мне кажется, она тоже это поняла.

– Где ты живешь?

– Пока в квартире друга, который работает за границей. Но эту проблему я решу.

Лара не успела прийти в себя от этой информации, как Андрей на одном свидании сообщил, что купил квартиру.

– В вашем же районе. Она недорогая, скромная, но очень чистая, светлая и довольно уютная. Пока поставил там только диван и холодильник. Будет у тебя время, поедем выбирать остальное.

Сначала Лара приняла то, что произошло, как катастрофу. Принуждение к тому, чего ей больше всего хотелось, но все остальное делало это невозможным для нее. Она не может ничего менять в жизни своей и Артура! Нелепо даже думать, что она сможет расслабиться, наслаждаться покоем и любовью, бросив свой главный пост. Она не может быть счастлива, сознавая, что в это время может страдать ребенок. У Андрея и Нины детей нет. Ему при всей его отзывчивости не понять, что такое страстная тревога за ребенка, когда женщина теряет его из виду, выпускает из своих рук.

Но со временем ее даже стали развлекать их с Андреем поездки по магазинам мебели и материалов для ремонта. Как будто они играли в детскую игру, притворяясь мужем и женой. Даже Валентина втянулась в этот выбор для семейной жизни, которой не было. Сидела в интернете, искала. О чем-то мечтала. Пыталась совместить в сознании несовместимое.

А потом случился тот январский вечер. И все кончилось.

...Андрей очень рано вернулся с работы в квартиру, в которой мебель по-прежнему в упаковке и всюду ящики с материалами для ремонта. Постоял под душем, смывая тяжкую, многослойную усталость. Он работал без сна и перерыва дня четыре, не меньше. Только это и спасало. Достал из пустого холодильника бутылку пива, сделал несколько глотков и по привычке каждого дня набрал номер Лары. Господи. Телефон включен, но короткие гудки. Лара с кем-то говорит?! У него задрожали руки. Подождал, потом перезвонил еще несколько раз. Телефон занят! Он в нетерпении набрал номер Кати. У той тоже занято. Значит, она сейчас говорит с Ларой. Он позвонил Тане. Две подруги и были его постоянными абонентами последний год. Они сообщали ему, что узнали о Ларе, когда у нее загорелся свет, что рассказала очередная соседка.

Телефон Тани не отвечал. Наверное, поехала за продуктами. Он опять набрал Лару, потом снова Катю.

Наконец Катя взяла трубку, голос у нее был хриплый, как будто от слез.

– Что случилось? – забыл поздороваться он. – Что у Лары случилось? Куда мне поехать, что сделать? О чем вы так долго говорили?

– Да успокойся ты, псих ненормальный. У нее ничего не случилось. Сколько может случаться у одного человека. Она просто очнулась. Ну, типа спящей красавицы. Сама мне позвонила, заметь. Перед этим Тане. А я только устроилась тут пореветь, даже водочки выпила, чтобы легче пошло. Так и знала, что ты сейчас пристанешь как банный лист.

– Но что она сказала? Ей что-то нужно? Еда, деньги, помощь?

– От моих котлет отказалась. Куда тебе с твоей едой. А деньги и помощь – да. Она собирается разбираться с тем, что произошло с Артуром. Ворошить весь гадюшник. Танькин Слава найдет ей частного детектива. Мы в доле на оплату.

– Да при чем тут вы! – взорвался Андрей. – Оплата – это мое дело. А что говорит Слава: это очень опасно – ей в такое лезть?

– Не. Это типа ромашки понюхать. Конечно опасно, но ее не отговорить. Насчет твоего дела ты тоже не расправляйся. Нам она не посторонний человек.

– Что мне делать, Катя? Прямо сейчас.

– Мой совет – подожди. Посиди тихо. Она сегодня столько узнала, напереживалась. Пусть отдохнет. Может, сама тебя наберет.

– Да, конечно. Ты права. Теперь можно и подождать.

Андрей выскочил на балкон покурить, посмотрел на сигарету, которая дрожала в его руке, и бросился к телефону.

– Лара... Ты ответила. А я как раз подумал, что если ты не позвонишь мне, то я тут сдохну до утра. Но теперь все в порядке. Ты ответила. Если хочешь, положи трубку.

– Я не хочу, Андрюша. Я только не знаю, что сказать.

– Когда это нам были нужны слова. Просто дыши. Я так старался верить, что это произойдет.

Честь имею

Лара временами проваливалась в сон. Но даже в относительном забытии продолжала напряженно думать, о чем-то спорить с Андреем, искала нужные слова для разговора с Верой, которую необходимо заставить отвечать. Она металась в поисках Георгия. Просила Валентину дать какой-то знак, что-то главное сообщить. Утром поднялась измученная, изнуренная, ни в чем не уверенная. Долго стояла под душем. Подумала об Андрее и застонала от тоски и страха. Встала перед большим зеркалом, с ужасом разглядывала свое тело. Кроме торчащих ребер... Она же вся в каких-то царапинах, пятнах. Это было что-то вроде напасти в этот год. Обнаружила не сразу. Пытаясь отключиться, успокоиться, Лара раздирала свою кожу, иногда до крови. И это оказалось трудно, почти невозможно контролировать. Подумала, что так наверняка выглядит психическое расстройство, собралась найти информацию в интернете. Но просто махнула рукой. Какая разница. Лечиться, что ли, она собирается. Читала где-то, что люди режут себя бритвой, чтобы заглушить физической болью страдания души. В таком виде невозможно встретиться с Андреем. Хотелось только лечь в постель и поплакать. Но Лара мужественно намазалась кремом для тела. И на что способен человек, который сейчас так страшно убивается по поводу того, что разорвал себе кожу... Страшно – это ключевое слово возвращения Лары к свету.

Она выпила кофе и позвонила Константину.

– Ларочка, дорогая, – ответил он, как будто они расставались по естественной причине на пару дней. – Как я рад твоему звонку. У тебя все в порядке?

– Да, можно сказать и так. Подумала о работе, но ты, наверное, уже взял кого-то.

– На твое место – нет, конечно. Приглашаю иногда помощников на сложную картину. Но в основном справляюсь сам. Ты готова выйти?

– Да... Только не прямо сейчас, хорошо?

– Ок. Буду ждать. Позвони.

Немного отлегло от сердца. Поиск новой работы сейчас вообще ни во что не вписывается. Да и кто ее возьмет, такую... Костя все же незаменимый и настоящий друг. Можно быть уверенной, что он ненавязчиво, деликатно поддержит, не допустив ни бестактности, ни излишнего любопытства, ни чрезмерного, демонстративного участия.

Лара даже оделась и вышла на улицу. Немного погуляла вокруг дома, напряженно размышляя, как начать разговор с Верой, где и как искать Георгия. Она взваливала на себя весь груз ответственности за то, что требуется сделать. И совсем забыла о том, что в любой момент может появиться частный детектив. Нет, не забыла, просто бессознательно отвергала мысль о появлении совершенно чужого человека, который станет вторгаться в ее жизнь. В их с Артуром жизнь. И тут пришло сообщение от Тани: «Ответь на звонок с неизвестного номера. Это детектив. Зовут Сергей».

Опять затрясло, как психопатку. Лара вернулась домой, даже нашла в шкафу мягкое и вполне элегантное домашнее платье темно-зеленого цвета. Причесалась, провела по пересохшим губам гигиенической помадой, села на диван в гостиной, положила перед собой телефон. И так сидела, боясь дышать и сжав руки на коленях.

Когда телефон позвонил, постаралась ответить спокойно:

– Я вас слушаю.

– Здравствуйте, Лариса. Я частный детектив Сергей Кольцов. Звоню по просьбе ваших друзей. Вы готовы договориться о времени встречи? Суть мне изложили в самых общих чертах. Сразу попрошу – ничего конкретного не говорить по телефону. Не называть имен, фамилий, адресов. В процессе сотрудничества найдем защищенный способ связи.

– Да, я готова. Мне нужно куда-то приехать?

– Я так понял, что вы не очень хорошо себя чувствуете. Если я приеду к вам, это удобно?

– Конечно, – облегченно выдохнула Лара. – Мне нужно...

– Сразу скажу: вам пока ничего не нужно. Только ответить на мои вопросы. Условия сотрудничества мы обсудили с Вячеславом. Я привезу вам договор. Подпишете, если вас устроит. И он сразу переводит аванс.

– Но я хотела сама, я уверена, что мне так будет проще.

– Хорошо. Обсудим. Но мой совет: прислушайтесь к тому, что предлагает Вячеслав. Он довольно приличный адвокат. Чем больше в деле профессионалов, тем проще.

– И когда вы можете приехать?

– Сегодня удобно?

– Да. Я только не успела подготовиться морально.

– С этим мы справимся. Вы не против, если я приеду со своей секретаршей? Не потому, что мне необходимо ее участие. Но она как раз тот человек, с которым людям легче собраться морально. Очень естественная и эмоциональная девушка. Зовут Надеждой.

– Ну, раз Надежда... Значит, необходима, – Лара даже улыбнулась. – В какое время приедете?

– Часа через два нормально?

– Отлично. Жду.

...Детектив выглядел шикарно. Голубые глаза, седые виски, голливудская улыбка. Стройный и непринужденный. Пожалуй, Лара предпочла бы, чтобы он был менее картинным. Взглянув на его спутницу, сразу поняла: это то, что надо. У Нади было круглое лицо, круглые карие глаза и крупный улыбчивый рот. Он казался полным веселья и смеха. Странное дело выбрала для себя такая девушка. Она контрастировала со всем, что зовется криминалом. И да, она выглядела как надежда.

– Привет, – протянула она руку Ларе. – Держи пакет. Жена Славы передала. Там мандарины, банка красной икры, в коробочках всякие витамины. Теперь я понимаю, что тебе это очень нужно.

– Ох, спасибо. Таня верна себе. Я заварила кофе и сделала бы бутерброды с икрой. Но у меня нет хлеба.

– Ничего, – деловито произнесла Надя. – Я обожаю икру и не порчу ее хлебом. А давайте мы ее просто ложками съедим?

– Я не против, – рассмеялась Лара и даже не сразу поняла, что с ней это случилось впервые за год.

Посидели вокруг журнального стола в гостиной. Ели икру под кофе, говорили о всякой ерунде. То есть говорили в основном Сергей и Надя. Лара просто впитывала пеструю информацию обо всем, чего для нее так долго не было. Потом Сергей взглянул на часы и произнес:

– Так. Работаем, дамы.

Надя убрала со стола, а Лара принесла ноутбук, открыла папку «Артур», начала рассказывать дрожащим голосом, потом говорила уже как будто только себе и по ходу систематизировала материал, формулировала задачи и цели.

– Хорошо с вами, – произнес Сергей. – Профессионально работаете. Даже вопросы не нужны. Я получил первые ответы. Вы интересовались, что с делом. Оно не закрыто. Дела о педофилии не закрывают так быстро. Но оно как бы заморожено. Пока информация поверхностная. Что-то не совсем понятное с главной уликой. Ну, алиби подозреваемого, которое ему обеспечила подруга, конечно, не принимаем всерьез. Мы начнем с самого начала. Вы можете переслать мне материалы этой папки на такой мейл? Это и есть защищенная связь.

Тут поднялась и выпрямилась Надя, которая за все время не издала ни звука. В ее глазах горел пожар, на щеках – багровый румянец. Она выпалила гневно, презрительно:

– Я в шоке. И долго вы собираетесь ковыряться с этим подонком? Да и с его клячами. Пока они все вместе не сожрут следующую жертву?!

– Не понял, – с интересом посмотрел на нее Сергей. – У тебя какие-то предложения?

– Да. Ты же не мент, Сережа, чтобы возиться с желтыми бумажками давно похеренного дела. Поехали поймаем этого Гошу, отвезем куда-то... Не в офис, конечно. И выйдем из него всю правду. Под запись. Да я бы сама справилась... Или вообще – заказать кому-то, чтобы грохнули ублюдка... Все же ясно с ним. Что вы так на меня уставились? У меня сердце разрывается от того, что он делал с ангелом.

Пожар в карих глазах погас, его потушили слезы, которые обильно потекли по лицу, губам. Лара только сейчас поняла, что Надя сама еще ребенок, от силы лет девятнадцать. Как Сергей мог ее втянуть в подобные дела. Как ей можно доверять...

Сергей подошел к Наде, положил ладони ей на плечи, посадил в кресло, сунул в руку салфетку.

– Послушай, Надюха, меня внимательно. Ты права в том, что я не мент. Я гораздо лучше. И тебя я взял на работу по двум причинам. Мне даже не особенно нужна секретарша. Но, во-первых, я понял, что без меня тебе на свободе долго не протянуть. И второе: у тебя нет юридического образования, вообще нормального образования, но есть набор таких светлых мозгов, какие мне по жизни редко встречались. И да, я подумал, что, постоянно общаясь с профессиональными следователями, юристами, адвокатами, ты получишь столько, сколько никакой институт не даст. И ты была до сих пор такой обучаемой... Что такое презумпция невиновности, мы с тобой проходили. Что такое грамотное обвинение – тоже. Смысл не в том, чтобы покарать одного ублюдка. Смысл в том, чтобы от неотвратимости наказания содрогнулось все поганое содружество садистов и насильников. И нет такого похеренного дела, которое нельзя вернуть и оживить. А теперь вытри сопли и успокойся. Я на самом деле очень хорошо тебя понял. Весь твой пламенный порыв и твоё отчаяние. Ты на самом деле сказала то, что мне так сильно хотелось произнести, когда мы смотрели эти видео и фото. Надеюсь, Лара нас простит за это отступление от протокола. Лара, поверьте мне: Надежда никого не заказывала и не пыталась. У нее были другие проблемы, с которыми мы справляемся цивилизованно.

– О каком прощении речь, – тихо сказала Лара. – Я слушала эту девочку и думала о том, что профессионалов в миллионы раз больше, чем хороших людей, способных разделить чужое горе. Какая разница, что она говорила. Я видела и слышала только страдающую душу. Возвращайтесь, я буду ждать.

– Хорошо. Я оставлю договор, прочитаешь, когда будет время.

– Нет, я сразу подпишу. Никогда не читаю договоры.

– Можно я схожу умоюсь? – спросила Надя.

– Конечно.

Когда Надя вернулась из ванной, Лара сунула ей в карман куртки две коробочки с витаминами.

– Возьми, мне не нужна такая уйма. Я их вообще терпеть не могу.

– А я обожаю, – улыбнулась Надя. Глаза опять стали ласковыми и доверчивыми.

– Честь имею, – вытянулся в струнку на прощание Сергей.

– Даже не сомневаюсь. Уверена, что имеешь.

Часть третья

Мать

Сергей и Надя ушли, и вскоре позвонила Катя.

– Ну что? Как они тебе? – выпалила она. – Тебе не показалось, что это мошенники? Он корчит из себя ковбоя на выпасе, а она вообще похожа на хитрую и наглую дуру. Какие это детективы?!

– Катя, – потрясенно произнесла Лара. – Ты следила за ними? Ты во дворе, что ли?

– Конечно. А ты думала, я все пушу на самотек? Танька мне сказал, когда они к тебе придут. А я примерно в это время через день отпрашиваюсь. Мне типа нужно домой – приготовить сложное диетическое блюдо для сына. Гастрит я ему придумала, прости меня, Господи. А сама еду сюда.

– Что-то немыслимое, Катя. Может, поднимешься, кофе выпьешь? На улице же такая метель. А ты, получается, сидишь в машине часа четыре, не меньше. И что это за чушь насчет мошенников? Как ты до такого додумалась?

– У меня кофе в термосе. И надо мчаться на работу. А насчет мошенников не я додумалась. Люди в интернете только об этом и пишут. И не только нормальные люди, но и козлы, которые должны мошенников ловить. Они вместо этого всех предупреждают: к вам идут мошенники, будьте осторожны. Своими глазами читала в главных новостях. Звонят такие очаровашки или прямо на дом являются. Представляются кем угодно – работниками ЖКХ, какой-то инспекции, прокуратуры или ФСБ. Или вот как у тебя – частными детективами. В курсе какой-то проблемы человека. Даже документы показывают. Человек открывает рот... А через час уже зомбирован полностью. Просто выполняет команды. И не только переводит куда-то все свои деньги, но через какое-то время обнаруживает в телефоне сообщения, что он набрал кредитов на миллионы. И их тоже отправил неизвестно кому.

– Упоительные истории. Как хорошо, что у меня нет миллионов. Спасибо, не знала. Но я не зомбирована. Пообщались нормально. Они все понимали. Девочка, посмотрев мои фото и видео, даже плакала. И кричала нам, что нельзя тратить время на поиски каких-то доказательств вины Георгия. Нужно срочно его схватить и выбить признание. Или просто заказать, чтобы грохнули. Ей понятно, что это он – убийца.

– Серьезно? Так это же наш человек. Надеюсь, вы согласились? Я в доле на киллера.

– Моя ж ты дорогая. Мы решили по закону и суду.

– Хорошо, не спорю. Но я все равно в деле. Учти, раз в два дня меня отпускают на несколько часов по причине гастрита сына. Могу помочь машиной, руками, просто припереть твою родню к стенке.

– Спасибо. Посоветуй мне прямо сейчас. Не могу решить: мне поехать к Вере сегодня или подождать, пока Сергей найдет какую-то зацепку, чтобы ею припереть ее, как ты сказала, к стенке?

– Я считаю, надо подождать. Вообще не советую оставаться с ней один на один. Решишь, возьми хотя бы меня. Я, кстати, вчера ей позвонила. Просто спросила, как дела, не нужна ли медицинская помощь. Злая она как сволочь. Промычала насчет того, что собирается к тебе явиться.

– Да что ты... Хорошо, что предупредила меня.

– Лара, только не пускай ее в квартиру. Ни за что не пускай! Лучше вообще не открывай. И сразу звони мне, Тане или хотя бы своим детективам.

– Да, поняла. Разведчица ты моя распрекрасная.

– А то!

Лара знала свою мать. Маниакальные идеи Вера доводила до конца. То есть до абсурда. Не без допинга, конечно. Когда раздался звонок в дверь, Лара положила в карман телефон и подошла к двери. Нажала кнопку видеокамеры. Прямо перед ней на мониторе появилось красное, потное лицо матери. Она нажимала на звонок много раз, потом просто держала его не отпуская. Вера постарела, поседела, была растрепанной, запущенной, в каком-то жутком незнакомом пальто. С помойки, что ли? Лара смотрела на нее довольно долго. И так выглядит деградация: с этим враждебным выражением затравленного, загнанного зверя. Это несчастье. И что самое ужасное – это родное несчастье. Его не смоешь с себя, как грязь с белых сапог. У Лары и нет белых сапог. Она и себя-то ни в чем не оправдала. И не ей, наверное, обвинять эту бывшую девочку-подростка, которая родила своего главного врага. Ту девочку сожгла дотла ее бесконечная заброшенность и ненужность никому. Тлеющие угли судьбы она заливает водкой.

Впервые за восемь лет Лара смотрела на мать без подозрительности, страха и ненависти. Артуру Вера уже не сможет навредить, а всем остальным больше не опасна. Лара вернулась в комнату, положила в карман халата бумажник и карту. Написала крупно на бумажке ПИН-код и открыла дверь. Вышла в коридор и плотно прикрыла дверь за собой.

– Здравствуй, Вера. Извини, не могу тебя пригласить. Давай сразу проясним: здесь живу я. Это дом мой и Валентины. Мы так надеялись, что он будет домом и для Артура. Мы с тобой по разные стороны нашей общей клетки. Но мы связаны одним горем. Не спрашиваю, осознала ли ты его. Оно есть, в состоянии ты это понять или нет. Но сюда ты не войдешь.

– Что ты такое несешь, – уставилась на нее Вера больными, слезящимися глазами. – С кем ты тут живешь? С покойниками?

– Не продолжай. Я ничего не собираюсь тебе объяснять. Слишком поздно и уже, наверное, совсем бессмысленно. Но если тебе нужна помощь, ты пришла по адресу. Вот, возьми. Это все мои наличные. Это карта, на бумажке ПИН-код. У меня есть еще одна.

– Это все мне? С чего это ты так расщедрилась или откупиться хочешь?

– Да нет. Просто вспомнила фото двух девочек. Одна держит на руках другую. Стало страшно и больно за обеих. Звони, если что. И попроси Катю, чтобы проверила, что у тебя с сердцем. Губы синие. Возьми такси.

Лара просидела до самой ночи неподвижно, не отбиваясь от атак самых болезненных и ярких воспоминаний. Потом позвонила Андрею и сказала:

– Помоги. Я жду.

И бог с нею, с разодранной кожей.

Нина

Умение правильно наложить макияж и выбрать одежду для каждого случая в жизни Нина считала главной задачей женщины. Кто-то может сказать, что ей не хватает чувства меры. Нина знает этих лицемеров с их скучными правилами под порядковыми номерами: как ничем не выделяться из общего ряда представительниц так называемой элегантности и светскости. Но у нее свой свод законов: как умело спрятать или приглушить свои недостатки и ярко выделить достоинства.

Нина разглядывала свое лицо после часа работы над ним со всех сторон в нескольких зеркалах, одно из них – с большим увеличением. Нине не просто нравилось, как она выглядит. Она всегда считала свое лицо необычным и породистым. И до сих пор вполне обходится без пластики, только иногда подкалывает ботокс и, конечно, регулярно ездит на массаж. Да и фигура у нее женственная и в то же время крепкая, устойчивая. Ее цель – чуть откорректировать образ собственной индивидуальности, чтобы приблизить его к общепринятым стереотипам красоты.

У Нины крупный нос с горбинкой, большие карие глаза чуть навывкате, слишком тонкие губы. Все это говорит о врожденном аристократизме и восточных корнях. Отец Нины, Вартан, – не последний бизнесмен в Армении. Он требовал, чтобы дочь всегда хорошо выглядела, и присылал ей деньги только на одежду и уход за собой. У нее хорошие, немного волнистые каштановые волосы ниже плеч. Они всегда тщательно уложены, так, как будто вообще не уложены. Просто так растут. В этом Нина никогда не уступит тупому совковому правилу: женщина за тридцать, не говоря уже о женщине за сорок, непременно должна делать стрижку типа мальчишковой и сиять безобразно бритым затылком. Такие навязчивые советчицы совсем не соображают, как жалко и убого они выглядят со стороны. Эти лица, лишённые естественного украшения женщины. Беспольные существа, которым ничего не остается, как прятать суть женщины под одеждой до подбородка.

Нине очень бы пошли старинные бальные платья, как любой аристократке. Но она и сейчас создает для себя их современные варианты. Это непременно большое или очень большое декольте, открывающее ее полную грудь чуть ли не до сосков. Она не сомневается, что многие сплетничают, будто у нее импланты. Все от зависти. Просто надо питаться нормально, а не таскать гири в спортзале. Под любую одежду Нина носит жесткий корсаж. Любая может сделать так свою талию тонкой, а живот плоским.

Нина нанесла на губы третий слой красной помады третьего оттенка. Провела по ним кисточкой с блеском. Надела темно-синее платье с декольте номер один. Декольте два и три соответственно ниже. Как язвительно ей сказала однажды завистница: «Эти твои декольте до пупа... Не дует?» Нина только презрительно улыбнулась, а могла бы ответить: «Главное, чтобы ты не простудила свои жировые пятна на костях. Можно пуховым платком повязать». Но не стала так опускаться.

Нина сделала один звонок. Затем надела роскошное кашемировое пальто терракотового цвета, вышла из дома, осторожно прошагала до черного «Мерседеса» в узких коричневых лодочках на танкетке. Она звонила секретарше компании, в которой работал Андрей. Дом, в котором была их бывшая общая квартира, принадлежащая сейчас ей одной, в двух кварталах от его работы. Он вышел двадцать минут назад. Она быстро его догонит и проедет до его нового дома. Просто посмотреть, не нашел ли он себе кого-то еще. С этой Ларой – катастрофой – вроде все. Может, получится как-то устроить нечаянную встречу. Типа случайно тут оказалась, дальше по ходу. Нина ни на минуту не сомневалась, что вернет мужа рано или поздно, как только приложит усилия. Лишь поэтому она до сих пор одна, несмотря на восточный темперамент. Кто-то постоянно подворачивается, есть и очень выгодные варианты, они в основном от

папы, который требует от нее выйти замуж и устроить свою судьбу с «настоящим мужчиной», каким он никогда не считал Андрея. Но Нину по-прежнему до стона и почти физической боли тянет к неверному мужу. Он для нее все еще вне конкуренции на фоне других, таких обычных, что их можно менять каждый день и не замечать этого.

Нина быстро нагнала машину мужа, дальше ехала не спеша, на безопасном расстоянии. Было уже поздно, дорога пустынная, небольшая метель успокаивала и мягко прятала недостатки и безобразную черноту самой земли. Это было похоже на кадры французского фильма о любви. Женщина едет в темную страстную ночь не для того, чтобы догнать своего мужчину. Ей достаточно не выпускать его из виду. А мужчина уверен, что оставил ее позади, в прошлом, и пока не догадывается о том, что, убегая от нее, он на самом деле стремится ей навстречу. Если ей хватит терпения и мудрости, она дождется самого главного момента. Он вдруг все вспомнит и поймет. Он задохнется от тоски и сожаления. И позовет своего самого близкого человека, единственную родную душу на свете, которой не найти замены.

Так, вполне комфортно, в приятном задумчиво-элегическом настроении Нина доехала до нового дома Андрея. Остановила машину на небольшом расстоянии за углом ограды. Тут был хороший обзор. Андрей выйдет, откроет ворота, поставит машину на стоянке во дворе, дойдет до своего подъезда. После этого Нина еще немного подождет: она посмотрит, как загорится свет в его квартире. Как за желтыми окнами, на которых так и не появились шторы или жалюзи, будет передвигаться его такая знакомая до мелочей фигура. Если Андрей выйдет на балкон покурить, она увидит его лицо. Его удивительное, неповторимое лицо. Нина даже отсюда способна если не рассмотреть, то почувствовать, что это лицо печальное, иногда даже угрюмое. Это так обнадеживает... Он один, ему тяжело. Он лишен заботы. Он не может не думать о том, какой светлой, уютной и теплой была их жизнь совсем недавно. Нина дождется, пока он уйдет в глубь коридора, там ванная. И последним аккордом этой условной встречи станет его обнаженное тело, его запах, прикосновение его сильных рук... Это всегда оживает в ее воображении перед тем, как она отправляется в свою одинокую жизнь. Она увозит с собой жгучее желание, истребить которое невозможно. Дома выпьет пару бокалов шампанского и будет долго вспоминать каждую секунду этого вечера.

Но... что это? Андрей уже протянул руку, чтобы открыть ворота, но тут ему позвонили. Он, кажется, сказал только одно слово. Но стремительно бросился к машине, сел в нее и развернулся в обратном направлении. Что это? Сейчас ночь, начало первого. Что-то случилось? Авария на работе? Несчастье с кем-то из родственников? Или что... Нина, конечно, поехала за ним.

Через пятнадцать минут она с ужасом поняла, что они приехали к дому Лары. Той самой катастрофы. Она же вроде заперлась давным-давно, бросила работу и то ли с ума сошла, то ли вообще подыхала после того несчастья. Андрей точно за все это время ни разу к ней не приезжал. Что изменилось? С какой стати?

Андрей вбежал в подъезд. Окна в квартире Лары были освещены, но шторы задернуты. Хорошо, что они тонкие, вероятно, из шифона. Нина рассмотрела два силуэта. Мужчина и женщина вошли в комнату из коридора. Они обнимались. Они так припали друг к другу, что из груди Нины вырвался хрип. Она не знала, сколько времени там сидела. Она только смотрела горящими или сгоревшими глазами, как эти двое практически не отрываются друг от друга. Потом огромным усилием воли заставила себя шевельнуться. Трясущимися руками достала из бардачка флягу с водкой и жадно сделала несколько глотков. Она должна на время погасить эту бешеную ненависть и жажду мести. Иначе взорвется и не доедет живой. А ей нужна не только жизнь, но и силы. Потом точно вспомнит, что говорят о холодной мести.

Нина останавливалась, чтобы выпить водки, еще несколько раз. Дорога по-прежнему была пустынной.

Перед своим домом она вышла из машины, поскользнулась на расчищенной дорожке и упала. Стала неуклюже подниматься, охнула из-за резкой боли в колене. Сняла туфли, отбросила их в сторону и похромала домой в тонких чулках. Вошла в холл, посмотрела в зеркало и впервые пришла в ужас от собственного воспаленного, отекавшего лица. Она не узнавала себя. Как же он посмел так ее оскорбить! Как же она могла так унижить себя!

Нина, не снимая пальто, вошла в кухню, открыла бар-холодильник, достала ледяную бутылку водки и пила из горлышка, пытаясь залить все свое чертово сознание, пулеметный стук обезумевшего сердца. Кажется, стало легче, но вдруг подстреленной волчицей завывала женская бесконечная обида. С этим вообще невозможно оставаться одной. Нина нажала вызов контакта – «Никита, охранник». Тот недовольно ответил.

– Никита, поднимись, пожалуйста, ко мне. У меня тут ЧП.

Она бросила на пол бутылку, сознательно наступил на один осколок, рядом со ступней растеклась кровь. Нина открыла дверь, держась за стену.

– Что у вас? – спросил Никита.

– Понимаешь, я только что вернулась с важного свидания. Очень замерзла, решила сразу выпить водки, чтобы не заболеть. А бутылка выскочила из рук, я поскользнулась, упала и повредила колено. Очень больно, боюсь, что перелом.

– Вызвать «Скорую», что ли?

– Нет, не нужно. Посмотри сам. Ты же в армии служил, знаешь, как оказать первую помощь.

– Да что я могу. Вроде надо дернуть, если заорете, то перелом. И тогда по-любому надо «Скорую».

– Ты не понял. Мне не нужна «Скорая». Помоги мне.

Нина втащила за собой в кухню рослого флегматичного парня двадцати шести лет. Он собрал осколки, вытер тряпкой пол. Нина налила ему стакан коньяка. Он с интересом посмотрел на нее. До него что-то стало доходить. Она отдалась ему на этом влажном полу, даже не сняв пальто. Ничего не почувствовала, кроме механического вторжения. Но, по крайней мере, это были тяжесть и напряжение мужского чистоплотного тела. Это не позор вечной брошенности. Она точно не была противна мальчишке. И боль в колене прошла.

Нина проводила своего первого любовника до входной двери и вместо прощания сунула ему в карман несколько крупных купюр. Ей больше нечего терять. Бездна унижения уже не станет глубже.

По коням!

Татьяна приехала в адвокатскую контору мужа. Она так и называлась: «Калинин». Слава разрешил ей присутствовать при отчете детективов.

– Только с условием: Кате рассказывать лишь то, что именно для нее я выберу. Она слишком входит в роль агента 007. Вы обе с этими слежками длиною в год немного подвинулись. Без обид. Просто сейчас надо оставаться на позиции наблюдателей. Сейчас время профессионалов. Никаких утечек.

В предбаннике кабинета Славы сидела его помощник – секретарь Юко. Она – экзотика в самом изысканном варианте. Юко – чистейшая японка, прямо из Токио, где уже получила юридическое образование. Ее имя в переводе значит «дитя ночи». У Юко удивительная идея – изучить и сравнить юриспруденцию разных стран, проанализировать особенности в диссертации. Прийти к выводам о степени зависимости и независимости правосудия от власти, режимов, демократических традиций или их отсутствия.

Слава был страшно польщен, когда она ответила на его объявление в интернете о вакансии помощника – секретаря адвоката по уголовным делам. Она прислала резюме на отличном русском языке. В предисловии сообщила, что с интересом следит за его статьями в юридической прессе, читает материалы о процессах, в которых он участвует.

Таню это тоже приятно поразило. Она устроила небольшой ужин в честь встречи. Прочитала личную информацию Юко. Тридцать восемь лет, замужем не была. То есть идеальный вариант для помощника востребованного адвоката с ненормированным рабочим днем. Приглашение в Москву ей прислали родственники, которые давно жили в России.

Таня, открыв гостевую дверь, оторопела. Подумала, что тут какая-то ошибка. Ясно было лишь то, что женщина на пороге действительно японка. Но ей не дашь и двадцати пяти. Тоненькая, хрупкая, изящная, с нежным лицом статуэтки из дорогого фарфора. По-русски Юко заговорила практически без акцента.

Они провели приятный, интересный вечер, расстались если не хорошими друзьями, то добрыми знакомыми. Когда Юко уехала, Таня сказала мужу:

– Милая девушка, правда?

– Да, очень. И необычная. Но я никогда не делаю скоропалительных выводов. Меня нельзя разочаровать, потому что я не бываю очарован.

Они довольно часто ужинали вдвоем, пока Юко жила в отеле. Она не хотела стеснять родственников, да и самой неудобно в небольшой квартире с детьми. Таня ее приглашала, она радовалась приглашениям, но сближения между ними не возникло. Похоже, Юко настолько самодостаточна, что в дружбе и откровениях не нуждается. Полгода назад она сняла квартиру, с тех пор Таня ее не видела.

Юко вышла из-за своего стола, приветливо улыбаясь Татьяне, протянула ей руку.

– Здравствуй, Таня. Очень рада тебя видеть.

– Я тоже, Юко. Слава у себя?

– Да, конечно.

– Я, случайно, не первая? Боюсь, что муж меня обвинит в излишнем любопытстве. Обычно он не посвящает меня в свои дела. Но тут особый случай: Лара – моя подруга.

– Я в курсе. Нет, ты не первая. Они приехали вдвоем пятнадцать минут назад – Кольцов с Надеждой и Лариса. Заходи туда.

Таня повесила на вешалку куртку и направилась в кабинет. Она волновалась. В таких историях любой результат – очередной удар. И параллельная мысль: Юко по-прежнему похожа на фарфоровую статуэтку. И это по-прежнему не самое приятное впечатление для Тани. Все же муж проводит с ней целые дни.

Она вошла, помахала с порога всем рукой, направилась к креслу в углу и объяснила:

– Ни за что не сяду с вами за стол. Не могу видеть всякие материалы, снимки. Не в этом случае. Посижу тут тихонько, послушаю, чтобы потом никого не пытаться вопросами. Продолжайте, не обращайтесь на меня внимания.

Она села, крепко сжала руки на коленях. Боже, какая Лара бледная. Как такое вообще можно вынести? Это, наверное, не очень нормальное решение – разворошить страшное горе, вернуть себя в камеру пыток и боли. Да и эта забавная девочка Сергея, всегда готовая шутить и первой хохотать, – она тоже на себя непохожа. Глаза, как два коричневых мяча, на пол-лица. Разве можно было ее допускать к делу об убийстве ребенка. Она еще сама не взрослая...

Сначала Таня вообще не могла заставить себя вникать в то, о чем они говорили. Потом стало получаться усваивать конкретную информацию. Дело Сергей умудрился получить, скопировать и с помощью своих фокусов вернул в архив. Георгия Чернова пока найти не удалось. Он взял на работе две недели отпуска, прошла неделя. Нашли женщину, которая обеспечила ему алиби. Это Тамара Васильева – работница сортировочного центра. Она занимается упаковкой и сбором заказов, которые отвозит по адресам Георгий. Сергей с ней общался. Охарактеризовал так: «Непростая тетка. Подозрительная, скрытная, угрюмая. Но сказала, что Георгий пока живет у нее. До брака с Верой жил в съемной квартире. Поехал к родственникам в деревню под Саратовом. Она говорит, что не знает, что за родственники и как называется деревня. Может, и правда не знает. Пришлось поискать знакомых ребят в Саратове. Скинул им информацию. Жду связи».

По делу Сергей сказал следующее: «Дело велось халтурно. Некоторых материалов, которые есть в описи, в папке не оказалось. Реальная улика – волос взрослого человека на одежде ребенка. Волос не совпал с ДНК Чернова. Но тут всегда возможна подмена или ошибка. Надо добаться до архива улик. Есть варианты. И самое подозрительное: в одном рапорте написано, что группа поиска нашла телефон Артура очень далеко от места преступления. А в описи вещественных доказательств телефона нет. То ли пропустили по небрежности, то ли изъяли телефон по злому умыслу. Надо искать».

Потом было долгое профессиональное обсуждение, в которое Таня уже не могла вникать. Тем временем наступил вечер, у Славы на сегодня больше не было дел. Они все попрощались с Юко и вышли во двор. Поскольку Лару привезли на машине Сергей и Надя, а у них еще две встречи, доставить ее обратно вызвался Слава. Татьяна поехала домой на своей машине. Перед этим спросила мужа:

– Так что мне можно рассказать Кате? Она ведь ждет.

– Расскажи об угрюмой тетке, которая дала Георгию алиби и теперь живет с ним. Такое Катерину заинтересует. Детали дела – ни в коем случае.

Перед тем как разойтись по машинам, соратники постояли рядом, как будто выполняя общий ритуал. Потом Сергей скомандовал:

– По коням, друзья.

Таня вошла в квартиру, сняла сапоги и куртку, выпила залпом стакан холодной воды, упала на маленький кухонный диван и, как только немного отдышалась, позвонила Кате.

– Наконец-то, – произнесла та. – Я уже думала, вы или поехали на захват, или вас похитили и пытаются. Столько времени... Говори!

– В общем, Катюня, там у них пока такая профессиональная фигня, что я даже не особенно вникала. Описи, архивы, что-то пропало, что-то не нашли – и это обсуждалось долго и нудно. Скажу то, что интересно и понятно нам. Георгия в Москве нет. Он в отпуске у каких-то родственников в деревне. Должен вернуться через неделю, но его уже начали там искать. И главное: Сережа нашел ту бабу, которая обеспечила его алиби.

– Ну, я знаю про бабу.

– Но ты не знаешь, какая она.

- Он ее видел?!
- Не просто видел. Он с ней близко общался.
- И какая она?
- Жуть! Сергей так и сказал: тетка угрюмая, подозрительная и страшно скрытная. Лично я уверена, что она следствию врал.
- Подожди. Это ты уверена или Сергей?
- Я, конечно. Но, думаю, он тоже. Он всегда исходит из того, что все врут.
- Он спросил: они спят с теткой?
- Не думаю, что спросил. Нам об этом ничего не сказал.
- Досада какая. Что это за детектив. Это же главное: спят или она соврала про алиби за деньги, к примеру. Или сообщница...
- Катя, умоляю, не начинай. Я от перенапряжения разваливаюсь. Мне нужно полежать в ванне, выпить, поесть. Славе ужин приготовить. Он повез Лару домой.
- Подожди секунду. А как зовут угрюмую тетку? И где именно работает? О том, что тоже в этой системе, я знаю.
- Катя, ну мне сказали – ничего не выносить.
- Совсем спятила? Это же я. В газету продавать не побегу, ты знаешь. Я просто подумать должна. Может, буду полезна.
- Хорошо. Только не просто никому, а даже во сне не произноси. Тамара Васильева, сортировочный центр магазина, в котором Гоша работает. Название он не сказал.
- Я знаю, в каком магазине. Вера сказала. Насчет никому – даже смешно. Ты же знаешь: я – могила.

Часть четвертая

Тайна надежды

Вячеслав и Лара долго ехали молча.

– Как ты оцениваешь работу наших детективов? Ты за все время слова не произнесла, – наконец спросил Вячеслав.

– Не все поняла, конечно. Не знаю, как это ищут, что возможно найти, раскопать через год. Но на меня произвело впечатление то, что Сергей рассказал.

– Я писал на диктофон. Могу распечатать и прислать тебе копию.

– Пощади, Слава. Толку вам всем от того, что я это буду пытаться читать, нет. А я окончательно доведу себя до безумия. Но уверена, что смогу быть в чем-то полезной. Я Артуру не только сестра. Я – мать в гораздо большей степени, чем Вера. А у матери, как говорят, сердце – вещун.

– Ты совершенно права. Тоже так думаю. Но я должен был предложить. И поверь моему опыту: со временем ты сумеешь отвлекаться от собственных эмоций, научишься воспринимать материал как сложную математическую задачу. У тебя такой организованный светлый ум, да еще режиссерская хватка, с помощью которой ты выделяешь главное.

– Спасибо за доверие. Насчет опыта. Надя наверняка видела уже немало других дел, а воспринимает все едва ли не так драматично, как я. Она всегда так реагирует? Мне больно было на нее смотреть: такое страдание. При первой встрече у меня она даже заплакала, посмотрев фото и видео с Артуром.

– С Надюхой тяжелая история. Я ведь познакомился с ней первым. Узнал, что с ней случилось, и попросил Сережу как-то помочь, чтобы нас обоих совесть не мучила, когда девочку окончательно растопчут. Как говорится, на благотворительной основе. Было это два с лишним года назад.

– Мне нельзя рассказать?

– Вообще-то, я даже Татьяне ничего не рассказал. По разным причинам. Но ты... Ты – другое дело. Ты правильно поймешь, и вам легче будет сотрудничать. Как-нибудь расскажу.

– Мы почти приехали. Может, зайдешь? Мне Катя утром завезла свои фирменные котлеты и мандарины. Котлеты были еще горячие, я их на столе оставила.

– А давай. Жрать хочется, во-первых. И Таня, конечно, с Катериной треплется по телефону: рассказывает, что слышала и поняла. Я, правда, ее ограничил в том, что можно обсуждать с Катей. Но так понимаю, что на пару часов им материала хватит. Я только встану у магазина. Возьму пару бутылок пива. Для меня это тоже больная история, хотя вы все считаете, что я лишен эмоций, как амеба.

В кухне Слава сунул три бутылки с пивом в морозилку. Затем по-хозяйски поднял крышку кастрюли с котлетами.

– Это знаменитые «а-ля Катерина»? С сыром и шампиньонами? Таня постоянно пытается их воспроизвести, но они у нее упрямо разваливаются. Можно бестактный вопрос, Лара? К тебе Андрей может сегодня приехать?

– Может, а что?

– Тут шесть котлет. Предлагаю – две мне, две тебе, две оставим ему.

– Идет. Только тебе три, а мне одну. Я вообще не уверена, что смогу что-то проглотить.

– Отлично. Тогда я ему оставлю одну бутылку пива.

Лара рассмеялась, а глазам стало вдруг горячо. Они дурачатся и шутят, как до всего. Как до войны крошечного зла с их порядком и любовью.

Три котлеты мгновенно исчезли с тарелки Вячеслава. Лара только сделала несколько глотков пива.

Слава закурил и почти сразу нервно погасил сигарету.

– Значит, Надежда. Постараюсь не затягивать, изложить коротко. Скажу честно: мне это нужно – поделиться с понимающим человеком. Постоянно нужно. Надеюсь, Надя все это не вспоминает, а мне тяжело нести одному. Не получилось проехать. Боюсь за нее, как ни за кого не боялся. Даже думаю, как хорошо, что у нас с Таней нет детей.

– Слава... Я никогда не считала, что у тебя эмоции, как у амебы... Но чтобы так...

– Ларочка, может, отменим? Ты точно будешь переживать, а это для тебя лишнее бремя. Я не должен был даже поднимать эту тему. К тому же речь о неприкосновенности чужой тайны.

– Ты чего-то не понимаешь. Мое бремя – величина постоянная. Оно уже не может стать тяжелее от нового знания. Так уж получилось: мне идти по неизбежному горю, пока я способна двигаться, видеть и понимать. Не смотри на меня так тревожно. Это больше не деградация, это наоборот. Я даже надеюсь на любовь и радость, верю в счастье покоя, пусть на минуты. Но воспринимать себя полноценным человеком смогу, лишь не отворачиваясь ни от чьей беды. Я хочу смотреть на нее прямо, не боясь разорвать свое сердце. Иначе не понимаю, зачем оно мне дано. А Надя мне уже не чужой человек. Она оплакивала моего ребенка. Она даже предлагала нам с Сергеем схватить Гошу, выбить из него признание или заказать его. Надя не может пережить потерю маленького мальчика, она его даже никогда не видела.

– Она это говорила? Только она и могла такое придумать. Это милое, нежное дитя и стойкий, храбрый человечек, который с отчаянной отвагой прошел по каторжному пути страшных испытаний и запредельных унижений.

– Говори, пожалуйста.

– Значит, два года и три месяца назад. Мне ночью звонит жена одного клиента и сообщает, что ее мужа полиция схватила у подъезда, когда они вышли из машины, и увезла в отделение. Ему шили липовое обвинение по заказу конкурента. Отделение с устойчиво грязной репутацией: услуга коррупции. Короче, я навожу справки у информатора, работающего в отделении, и мчусь туда. Информатор меня запускает со скрытого входа. Я получаю там, что хотел. У меня крошечная скрытая камера. Система такая. Снимаю то, что подводит ментов под статью. Потом договариваемся или нет. Через какое-то время информатор меня выпускает. Пустынный кусок двора, ночь, мороз... Уже почти дошел до маленькой калитки, за которой стоит моя машина. И тут... Из двери, из которой я вышел, не выталкивают, а швыряют на землю то ли большой сверток, то ли небольшое человеческое тело. Понимаю лишь, что это не труп, его не оставили бы во дворе. Жду, пока в отделении погаснут все окна. Подхожу с фонариком. Это девочка. Лицо все в кровоподтеках, куртка просто накинута и застегнута на шее. Под ней разорванная одежда. Она в сознании, но явно боится шевельнуться, глаза огромные смотрят на меня с ужасом. Короче, донес ее до машины, положил на заднее сиденье. С дороги позвонил знакомому врачу-эксперту. Он ее осмотрел, зафиксировал следы побоев, пыток, точечных ожогов от сигарет и ударов электрошокером. Изнасилование, в том числе извращенное и предметами... Он написал заключение. Я сделал снимки. Можно покурить?

Слава достал сигарету, но тут позвонил его телефон.

– Да, Таня. Я у Лары еще. Как раз собирался уходить. Она не все поняла в отчете Сергея. Я объяснил как смог. Она меня покормила.

Слава разъединился.

– Придется на этом закончить. Я заеду к тебе. Созвонимся.

Лара пристально смотрела на его страдальческое, перевернутое лицо. Ее потрясло не столько то, что она услышала, сколько боль, которую он при этом испытывал.

– Слава, я правильно поняла, что то, что ты сразу увидел, оказалось не самым страшным?

– Правильно. Ты всегда и все понимаешь правильно. Там была история коллективной травли и мучений, которые страшны даже не сами по себе, а тем, что объектом стал, в общем, ребенок. Еще раз прости за то, что начал эту тему.

– Я буду ждать. Только не передумай, пожалуйста. Я должна знать.

– Да кто же от тебя, такой, уйдет... Конечно.

«ДИТЯ НОЧИ»

Утром Вячеслав отправил Юко к их самому интересному и известному клиенту. История яркая и почти анекдотическая. Кирилл Савицкий, писатель-сатирик, в интервью одному изданию ответил на вопрос о задачах искусства коротко, едко и, как всегда, прямолинейно:

– О! Эти задачи бывают золотыми. У тех, кто успешно их решает, руки до локтей покрыты золотой пылью.

А затем в нескольких фразах рассказал о многомиллионных регулярных хищениях одного из руководителей кинематографа режиссера Полунина. Никаких Америк он ни для кого не открыл, но видео с интервью стремительно разлетелось по Сети. Даже не из-за содержания, а в силу непреодолимого обаяния и блестящего злого таланта писателя. Понятно, что информацию Савицкого никто не бросился проверять, хотя он даже указал путь и адрес проверки. На том все могло бы и закончиться. Полунин узнал об этом с некоторой задержкой. И сразу бросился в бой. Написал жалобы по всем возможным адресам, а также иск о клевете. СК принял решение о возбуждении уголовного дела против Савицкого по факту клеветы. Суд принял его к рассмотрению, бессодержательно и косноязычно обосновав свое решение. Дело должно было рассматриваться в закрытом даже для прессы режиме. Свидетели были в основном у обвинения Савицкого. Статья 128, по которой грозит срок заключения до трех лет и большой штраф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.